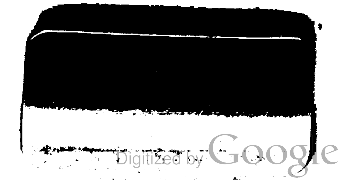

UC-NRLF
B 4 594 561

ГРАФЪ П. БУТУРЛИНЪ.

СОНЕТЫ.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ.

...Bavio che i gran versi urlando sfrena
Bavio t'odia, o sonetto; ond'io più t'amo.
Carducci.

MDCCCXCV.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 22 Сентября 1895 г.

Кіевъ.
Типографія Г. Л. Фронцкевича, Анненковская улица, д. № 5.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Сказки 1
Венерѣ Милосской 2
Далекому другу 3
Золото 4
Сладострастье 5
Царевичъ Алексѣй Петровичъ I 6
II 7
III 8
Луксорскій обелискъ 9
Донъ Жуанъ 10
Отзвуки 11
На улицѣ 12
Пляска смерти 13
Японская фантазія 14
Химера 15
Terra incognita 16
Ad multas 17
Dans le bleu 18
Буря 19
Уныніе 20
Сомнѣнье 21
Altiora peto 22
Перунъ 23
Мать-Сыра-Земля 24
Велесъ 25
Ярило 26
Мерцана 27
Ладъ 28
Тихонова ночь 29

стр.

Эллинское бѣснованіе 30
Огненный цвѣтокъ 31
Морена I. Зима 32
Морена II. Смерть 33
Навій день 34
Дажьбогъ 35
Солнце и мѣсяцъ 36
Призраки 37
Къ— 38
Прометей 39
На свѣтскую женщину 40
Минувшее 41
*** 42
Черепъ въ травѣ 43
Чехарда 44
*** 45
Наливка 46
P. S. 47
*** 48
Передъ Таврической Афродитой въ Эрмитажѣ 49
Сѣрый Сонетъ 50
Андрей Шенье 51
Мартъ 52
Апрѣль 53
Май 54
Августъ 55
Сентябрь 56
Ноябрь 57
Декабрь 58

СКАЗКИ.

Куда умчались вы, о, легкія видѣнья,
О, феи, карлики, рои крылатыхъ змѣй,
Царевны со звѣздой межъ бархатныхъ бровей,
Куда умчались вы, какъ звуки пѣснопѣнья?
Гдѣ садъ твой, Аладинъ, и чудные каменья
Въ мерцающей листвѣ серебряныхъ вѣтвей?
Лампада гдѣ твоя?.. Увы! изсякъ елей,
И свѣтъ ея потухъ въ нѣмой ночи забвенья!..
Обманы милые, умчались вы туда,
Гдѣ счастье дѣтскихъ лѣтъ исчезло навсегда!
Но сердцу хорошо, когда изъ этой дали,
Случайною мечтой, вы къ намъ летите вновь...
Не вы-ли, призраки, намъ первые сказали,
Что есть поэзія на свѣтѣ и любовь?

ВЕНЕРѢ МИЛОССКОЙ.

От этихъ людныхъ залъ къ старинной мастерской
Назадъ, во тьму временъ, летитъ воображенье...
Художникъ тамъ стоитъ въ надменномъ упоеньѣ,
Рѣзецъ свой уронивъ, богиня, предъ тобой.
Не нуженъ болѣ онъ: заключено рукой
Въ оковы стройныхъ формъ безплотное видѣнье,
И въ сердцѣ,—гдѣ, какъ вихрь, носилось вдохновенье,—
Привольно ширится восторженный покой.
Но, глядя на тебя, тотъ геній величавый,
Чье имя злобный рокъ жестоко скрылъ отъ славы,
О, все ли счастіе свое онъ сознавалъ?—
Шептало ли ему пророческое чувство,
Что навсегда тобой онъ нобѣдилъ искусство,
Тобой, о, красоты безгрѣшный идеалъ?

Musée du Louvre. 4. IV. 91.

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ.

Я знаю, что тебѣ въ томящій часъ мечтаній
Одинъ все снится сонъ печальной красоты:
Не городъ царственный подъ небомъ безъ сіяній,
Притонъ развратныхъ чаръ и злобной суеты;
Но предъ тобой хлѣба волнуются безъ грани,
И шелестятъ березъ зеленые листы...
Ты видишь вновь страну, страну воспоминаній,
Гдѣ въ первый разъ любилъ, страдалъ и плакалъ ты...
О, не забудь ея въ лазурномъ отдаленьи,
У свѣтлыхъ береговъ тропическихъ морей,
Хоть счастіе,—дай Богъ!—ты тамъ найдешь въ забвеньи;
О, не забудь ея, мой другъ! грусти по ней,
Грусти по родинѣ, безсонными ночами,
Подъ новыми тебѣ, подъ чуждыми звѣздами.

ЗОЛОТО.

А были дни, когда земля еще таила
Тебя, о, золото отъ алчности людской!
Но слабый міръ теперь порабощенъ тобой,—
И совѣсть, измѣнивъ, его не защитила.
Преграды нѣтъ тебѣ, о, пагубная сила!
Ты—власть чудесная, ты—дерзостный покой:
Безжалостный порокъ подъ маской золотой
Преслѣдуетъ добро—и выю честь склонила!
Ты—счастье, жизни цѣль и сердца идеалъ!
Ища тебя, нашъ вѣкъ святыни всѣ попралъ—
Смиренья, и труда и вѣры благородной;
А молодость, и та, въ чаду позорныхъ сновъ,
Сама избравъ тебя звѣздою путеводной,
Смѣется наглая надъ грезами отцовъ!

СЛАДОСТРАСТЬЕ.

Когда къ моей груди, трепещущій Паросъ,
Ты жмешься вся бѣлѣй языческой богини,
Я пьянъ отъ запаха роскошныхъ, рыжихъ косъ,
Отъ красоты твоей, отъ страсти... и гордыни!
Я пьянъ!—и въ мірѣ все, всѣ высшія святыни,
Какъ лепестки цвѣтовъ на крыльяхъ быстрыхъ грозъ,
Какъ пѣна ярыхъ волнъ, какъ легкій прахъ пустыни,
Все исчезаетъ, все! и властвуетъ Эросъ!
Невольно льнутъ уста къ устамъ полураскрытымъ;
На безконечный мигъ къ мечтаньямъ позабытымъ
Лазурный путь закрытъ—и умерла душа!
Но мигъ прошелъ. Еще лѣнится умъ несмѣлый
Въ усталомъ снѣ... и я ужъ вижу, не дыша,
Что руки жадныя обвили остовъ бѣлый.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

ВЪ НЕАПОЛѢ.

Графу П. И. Капнистъ.

I.

Къ окну онъ подошелъ въ мучительномъ сомнѣньѣ;
Въ рукѣ—письмо отъ батюшки-царя;
Но взоръ разсѣянный стремился въ отдаленье,
Гдѣ тихо теплилась вечерняя заря.
Безъ волнъ и парусовъ заливъ забылъ движенье,
Серебрянымъ щитомъ межъ синихъ скалъ горя,
И надъ Везувіемъ въ лиловомъ отраженьѣ,
Какъ тучка, дымъ игралъ отливомъ янтаря.
И Алексѣй смотрѣлъ на мягкій блескъ природы,
На этотъ край чудесъ, гдѣ онъ узналъ впервой,
Что въ мірѣ есть краса, что въ жизни есть покой,
Спасенье отъ невзгодъ и счастіе свободы...
Взбѣшенъ молчаніемъ, Толстой за нимъ стоялъ
И губы до-крови, томясь, себѣ кусалъ.

II.

Въ невольномъ, сладкомъ снѣ забылся Алексѣй...
И, вотъ, его опять терзаетъ рѣчь Толстаго:
„Вернись, вернись со мной! Среди чужихъ людей
„Позоришь ты царя, отца тебѣ роднаго;
„Но кара, вѣрь, тебя съ наложницей твоей
„Найдетъ и здѣсь. Вернись—и съ лаской встрѣтитъ снова
„Онъ сына блуднаго. Проститъ тебѣ... и ей!
„Въ письмѣ державное на то имѣешь слово.“
И предъ царевичемъ знакомый призракъ всталъ,
Какъ воплощенный гнѣвъ, какъ мщеніе живое...
Угрозой тайною пророчило былое:
„Не можетъ онъ простить! не для того онъ звалъ!
„Нещадный, точно смерть, и грозный, какъ стихія,
„Онъ—не отецъ! онъ—царь! онъ—новая Россія!“

III.

Но сердце жгли глаза великаго видѣнья;
Изъ гордыхъ устъ не скорбь родительской мольбы,
Казалося, лилась,—гремѣли въ нихъ велѣнья,
Какъ роковой призывъ архангельской трубы.
А онъ, безпомощный, привычный рабъ судьбы,
Въ тѣ быстрыя, послѣднія мгновенья,
Онъ не съумѣлъ хотѣть—и до конца борьбы
Безсильно палъ, ища минутнаго забвенья.
„Спаси, о Господи! помилуй мя, Творецъ!"
Взмолился Алексѣй, страдальчески вздыхая;
Потомъ проговорилъ: „Я покорюсь, отецъ!.."
И на письмо царя скатилася, сверкая,
Горючая слеза... Какой улыбкой злой,
Улыбкой палача, торжествовалъ Толстой!

ЛУКСОРСКІЙ ОБЕЛИСКЪ.

Кругомъ шумитъ Парижъ, веселый и красивый:
Дворцы бѣлѣются роскошною дугой
И, словно океанъ, то грозный, то игривый,
Межъ ними плещется водоворотъ людской.
Какъ чуждымъ кажется изгнанникъ сиротливый,
Священный обелискъ, въ той суетѣ живой!
Гдѣ между двухъ пустынь влачится Нилъ лѣнивый,
Вкушалъ-бы онъ еще среди гробницъ покой!
Онъ помнитъ дни, когда вокругъ него другая
Столица ширилась, прекраснѣй и шумнѣй,
И міръ лежалъ, какъ рабъ, у ногъ ея царей...
И обелискъ груститъ средь новой жизни, зная,
Что пролетятъ вѣка—и будетъ онъ опять
На новой родинѣ среди гробницъ стоять.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О, нѣтъ! не умеръ ты, какъ славный пѣлъ пѣвецъ!
И въ грозный, грѣшный часъ, когда рукѣ кумира
Ты руку протянулъ среди безумья пира,
Тебѣ, о, дерзостный, нѣтъ, не пришелъ конецъ!
Ты вѣченъ, какъ развратъ, всесильный царь сердецъ!
Твои уста страшнѣй, чѣмъ красный клювъ вампира,—
И отдаетъ себя лобзаньямъ ихъ Эльвира,
Пока глубоко спитъ довѣрчивый отецъ!..
Но ты теперь не тотъ, не рыцарь идеала,
Чья молодая страсть когда-то заставляла
Крестьянокъ и княженъ забыть дѣвичій стыдъ:
Земля стара—и ты, обрюзглый и плѣшивый,
Бездушный, какъ дикарь, и, какъ сатиръ, блудливый,
Ты старъ, о Донъ Жаунъ,—но ты богатъ, какъ жидъ!

ОТЗВУКИ.

Я чувствую, во мнѣ какой-то отзвукъ спитъ;
Онъ разуму смѣшонъ, какъ дѣтское мечтанье,
Какъ сказочныхъ временъ неясное преданье...
А разуму на зло, порою, онъ звучитъ!
Такъ въ раковинѣ звонъ далекихъ волнъ сокрытъ.
Прилива вѣчный гулъ и бури рокотанье,
Межъ стѣнокъ розовыхъ слились въ одно шептанье,
Но вся стихія тамъ воскресшая шумитъ.
Мы слышимъ этотъ шумъ... нѣтъ! этотъ призракъ шума!
И въ душныхъ комнатахъ, средь дымныхъ городовъ,
Къ безбрежью синевы мгновенно мчится дума.
Надежды мертвыя счастливѣйшихъ годовъ,
Вашъ отзвукъ никогда средь темныхъ треволненій
Не призоветъ опять лазоревыхъ видѣній!

НА УЛИЦѢ.

П. Д. Шипову.

Гремитъ удалый маршъ межъ сѣрыми домами:
Съ парада полкъ идетъ и длинный змѣй рядовъ
Слегка колышется зелеными волнами;
Надъ каждой искрится блестящій рядъ штыковъ.
Мальчишки шествуютъ по сторонамъ толпами;
Тѣ съ строгой важностью усатыхъ молодцовъ,
А эти съ хохотомъ, съ шутливыми словами...
И въ воздухѣ стоитъ согласный стукъ шаговъ.
Полкъ стройно движется. За нимъ почти невольно
Прохожіе слѣдятъ, и Ванька не такъ больно
Свою савраску бьетъ, глазѣя на солдатъ.—
Всѣмъ какъ-то весело отъ бодраго волненья:
Такъ славенъ видъ полка, ритмичны всѣ движенья,
И трубы мѣдныя такъ молодо звучатъ!

ПЛЯСКА СМЕРТИ.

Я видѣлъ грозный сонъ. Не знаю, гдѣ я былъ,
Но въ блѣдной темнотѣ тонулъ я, словно въ морѣ;
И вотъ, какъ вѣтра вой, какъ шумъ отъ тысячъ крылъ,
Зачался странный гулъ и росъ въ нѣмомъ просторѣ, –
И вмигъ вокругъ меня какой-то вихорь плылъ,
Кружился въ бѣшенномъ, чудовищномъ задорѣ...
То были остовы. Казалось, всѣхъ могилъ
Всѣ кости тутъ сошлись въ одномъ ужасномъ сборѣ!
О, этотъ прахъ!.. онъ жилъ!.. все ближе и быстрѣй
Меня онъ обвивалъ, и дикій, страшный хохотъ
Порывами звенѣлъ надъ звяканьемъ костей.
Вдругъ голосъ прозвучалъ, какъ грома рѣзкій грохотъ:
„Пляши, о смерть! ликуй! безсмертна только ты!..“
И я тонулъ одинъ въ разливѣ темноты.

ЯПОНСКАЯ ФАНТАЗІЯ

Апрѣльская лазурь, какъ озеро безъ дна,
Сквозь вѣтви бѣлыя цвѣтущихъ сливъ ясна
И треугольникомъ послѣдняя станица
Усталыхъ журавлей въ лучахъ чуть-чуть видна.
Къ Зеленой Пàгодѣ вся ринулась столица;
Но тутъ, подъ тѣнью сливъ, Нипонская княжна,
Забывъ, что бонзы ждутъ, что ждетъ императрица,
Глядитъ, какъ въ синевѣ плыветъ за птицей птица.
Откуда ихъ полетъ?—не изъ страны-ль духовъ,
Изъ этихъ яшмовыхъ, волшебныхъ острововъ,
Которыхъ царь придетъ, любви живая сила,
И унесетъ ее средь молній и громовъ?..
Зачѣмъ-же медлитъ онъ?—Душа по немъ изныла!
Гадальщица давно, давно его сулила!

ХИМЕРА.

У каждаго изъ насъ есть свѣтлая Химера,
Царица думъ его и жизнь его мечты;
Но, чистый Серафимъ, иль наглая Венера,
Она—чудовище нещадной красоты.
Намъ не обнять ея, хоть смѣло шепчетъ вѣра:
„Впередъ! торжествовать одинъ лишь долженъ ты,
„Гдѣ гибнутъ всѣ. Впередъ! и не страшись примѣра!..“
И мы идемъ впередъ—въ пустыню суеты!
Какъ свѣжая волна отъ устъ сухихъ Тантала,
Химера все бѣжитъ; но тамъ она... вдали!..
И сердце чахнетъ въ насъ отъ жажды идеала!
А какъ подумаешь, что межъ утѣхъ земли
Нѣтъ счастья лучшаго, чѣмъ вѣчное исканье,
Чѣмъ это долгое, безплодное страданье...

TERRA INCOGNITA.

Въ пустынѣ голубой, незнающей ненастья,
О, вѣрно островъ есть, волшебный рай морей,
Неоскверненный зломъ и суетой людей,
Отъ горя далеко и далеко отъ счастья!
Въ одной природѣ тамъ ища себѣ участья,
Равно отъ недруговъ свободна и друзей,
Тамъ жизнь была-бъ тиха, какъ чистый сонъ дѣтей,
Безъ лживыхъ призраковъ надеждъ и сладострастья.
Онъ есть, онъ, вѣрно, есть, на свѣтѣ, гдѣ-нибудь,
Спокойный этотъ край—и, какъ припѣвъ прелестный,
Тамъ вѣтеръ и волна шептали-бъ намъ: „забудь!"
Онъ есть!.. кому изъ насъ не снился онъ, чудесный,
Въ минуты горькія, когда, кляня судьбу,
Отрадно намъ забыть, какъ любимъ мы борьбу?..

AD MULTAS.

Ужель, о, женщины, таится наслажденье
В напрасномъ зрѣлищѣ безпомощныхъ скорбей?
Ужели красота, какъ пышный мавзолей,
Лишь сердца мертваго въ себѣ скрываетъ тлѣнье?
Тираны древніе боготворили мщенье;
Любили кровь они любовію звѣрей,
И было счастіемъ для этихъ палачей
Растерзанныхъ враговъ безмолвное мученье.
А вы, о женщины, нѣжнѣе вешнихъ розъ,
Надъ птицей раненной ручьи прольете слезъ,
Но для любви,—любви, которой вы искали
Нескромной ласкою краснорѣчивыхъ глазъ,—
Нѣтъ жалости въ душѣ, гдѣ мѣста нѣтъ печали!
Для вашихъ клятвъ нѣмыхъ нѣтъ честности у васъ.

DANS LE BLEU.

Какимъ-то чуднымъ сномъ себя я окружилъ,
И грубый міръ людей померкъ въ его сіяньѣ,—
Такъ, лѣтомъ, меркнетъ рой арктическихъ свѣтилъ
Сквозь блескъ обѣихъ зорь въ чуть-розовомъ туманѣ.
Замолкли для меня и хохотъ и рыданье
Докучливой толпы,—я шумъ ея забылъ!
И къ слуху нѣжному ласкается шептанье
Изъ блѣдныхъ сумерокъ классическихъ могилъ...
И тянетъ этотъ сонъ такъ тихо и такъ властно!
Не такъ-ли внизъ влечетъ съ лобзаньями волна
Слабѣющихъ пловцовъ къ тиши морскаго дна?
И лишь по временамъ, (но вѣрно, все напрасно!)
О жизни я грущу: о томъ, что быть могло...
Да! счастье въ жизни есть,—не только скорбь и зло!

БУРЯ.

Съ протяжнымъ рокотомъ примчался вѣтеръ злой
Изъ тайниковъ своихъ и бросился на море,—
И море дрогнуло, и волнъ блестящій строй
Поднялся, и гудитъ и свирѣпѣетъ въ спорѣ.
Ревъ вѣтра все растетъ; растетъ и моря вой:
То будто стонетъ міръ, то, словно въ дикомъ горѣ,
Хохочетъ грозно адъ... Ихъ отзвукъ громовой
Сливается межъ скалъ въ великолѣпномъ хорѣ,—
Межъ скалъ береговыхъ, гдѣ человѣкъ дрожитъ,
Глядя, какъ тамъ, внизу, о розовый гранитъ
Послѣдняя волна въ безумствѣ изступленья
Сѣдая плещется, взлетаетъ, промелькнетъ
Мятелью бѣлыхъ брызгъ—и въ страшный мигъ паденья
Къ простору и къ борьбѣ уже назадъ течетъ...

УНЫНІЕ.

Бываютъ дни, когда въ душѣ усталой
Все вымерло,—какъ въ часъ очарованья,
Межъ черной ночью и зарею алой,
Стихаетъ міръ безъ тьмы и безъ сіянья.
Въ тѣ дни нѣтъ хмѣля радости удалой,
Печали нѣтъ во мнѣ, какъ нѣтъ желанья,
И сказкою докучливой и вялой
Звучатъ уму припѣвы упованья.
О, еслибъ смерть холодными устами
Моихъ горячихъ устъ тогда коснулась,
Отдалъ бы равнодушно я лобзанье!—
И даже не жалѣлъ бы въ мигъ прощанья
О томъ, что жизнь моя тянулась,
Для всѣхъ ненужной, долгими годами.

СОМНѢНЬЕ.

Ужель придетъ ужасное мгновенье,
Когда все то, что человѣкомъ было,
Надѣялось, страдало и любило,
Не будетъ болѣ--и наступитъ тлѣнье?
Меня возьметъ нещадное броженье
И броситъ вновь въ громадное горнило,
Гдѣ жизнь творится изъ того, что было,
И смерть—не смерть, а новое рожденье?
И это *я*, царь помысловъ мятежныхъ,
Властитель рока, счастья и невзгоды,
Познавъ душою пылкой всѣ свободы,
Воскреснетъ въ бытіи слѣпой природы,
Гдѣ радость—въ ласкахъ солнца знойно-нѣжныхъ
И скорбь—въ цвѣтахъ увядшихъ, въ вихряхъ снѣжныхъ.

ALTIORA PETO.

Безстрашно крылья распусти, Психея!
    О, душенъ міръ,—подъ игомъ блѣдныхъ Фурій,
    Разврата и Корысти, цѣпенѣя!
    Хочу я вольнымъ быть, какъ вольны бури!
Гдѣ брезжатся иныя звѣзды, рѣя,
    Какъ стройный хоръ безсмертно-страстныхъ гурій,
    Вокругъ инаго солнца-чародѣя,—
    Хочу я потонуть въ иной лазури!
Летимъ, летимъ до крайнихъ мірозданій!
    Хочу я, ближе къ Трону, переливы
    Услышать серафимскихъ: „аллилуя!"
Хочу я свѣтъ забыть несправедливый,
    Гдѣ мѣста нѣтъ для честныхъ начинаній,
    Гдѣ зло царитъ, спокойно торжествуя!

ПЕРУНЪ.

Чего-то ждетъ земля... Нѣтъ вѣчнаго шуршанья
Межъ золотыхъ хлѣбовъ; утихъ шумливый лѣсъ,
И въ душномъ воздухѣ нѣтъ пѣсенъ, нѣтъ сіянья...
Вдругъ вихорь налетѣлъ... и вдругъ исчезъ,
И стала тяжелѣй истома ожиданья...
Но гдѣ-то на краю чернѣющихъ небесъ
Сверкнула молнія,—порывомъ ликованья
Веселый грянулъ громъ и вѣтеръ вновь воскресъ...
И туча двинулась... несется ниже, ниже,
Какъ-будто льнетъ къ землѣ... Все чаще и все ближе
Блистаетъ молнія, грохочетъ громче громъ...
Царь-богатырь Перунъ, монархъ лазурной степи,
Къ любовницѣ спѣшитъ во всемъ великолѣпьи—
И къ ней на грудь упалъ съ нахлынувшимъ дождемъ.

МАТЬ-СЫРА-ЗЕМЛЯ.

Я—Мать-Сыра-Земля! Я—гробъ и колыбель!
Поютъ мнѣ пѣснь любви всѣ голоса творенья,—
Гроза, и соловей, и море, и метель,
Сливаясь въ вѣчный хоръ, во славу возрожденья.
Живитъ меня Перунъ, меня ласкаетъ Лель;
Изъ нѣдръ моихъ къ лучамъ и къ радости цвѣтенья
Стремится тонкій злакъ и царственная ель,
И мнѣ, о, человѣкъ, невѣдомы мученья.
Неутомимая, всѣхъ любящая мать,
Могла-бъ я всѣмъ равно въ довольствѣ счастье дать...
И зло не я, не я, благая, породила!
Незыблемый покой усталому суля,
Для бодраго всегда надежда я и сила!
Я—гробъ и колыбель! Я—Мать-Сыра-Земля!

ВЕЛЕСЪ.

Я—Ве́лесъ, мирный богъ. Межъ спящихъ стадъ дозоромъ
Незримый я хожу, чтобъ отвращать недугъ
И чары хитрыхъ вѣдьмъ, пока дымится лугъ
И звѣзды ночь пестрятъ серебряннымъ узоромъ.
Когда исчезла мгла передъ Дажьбожьимъ взоромъ,
Тамъ рѣю вѣтеркомъ, гдѣ человѣка другъ,
Спокойный, добрый волъ, влачитъ тяжелый плугъ—
И доблестнымъ его любуюсь я позоромъ.
Иль отъ коровъ порой я пастуха маню
Подъ зыбкій сводъ вѣтвей—и тихо запою...
Онъ думаетъ: надъ нимъ листва шуршитъ лѣсная;
Но пѣсенки мои таинственной мечтой
Въ душѣ его звенятъ, и онъ поетъ, не зная...
И вѣщія слова хранитъ народъ родной.

ЯРИЛО.

Идетъ удалый богъ, Ярило молодецъ
И снѣжный саванъ рветъ по всей Руси широкой!
Идетъ могучій богъ, врагъ смерти тусклоокой,
Ярило, жизни царь и властелинъ сердецъ!
Изъ мака алаго сплетенъ его вѣнецъ,
Въ рукахъ—зеленой ржи трепещетъ снопъ высокій;
Глаза, какъ жаръ, горятъ, румянцемъ пышутъ щеки...
Идетъ веселый богъ, цвѣтовъ и жатвъ отецъ!
Вездѣ вокругъ него деревья зеленѣютъ,
Предъ нимъ бѣгутъ, шумятъ и пѣнятся ручьи,
И хоромъ вслѣдъ за нимъ рокочутъ соловьи.
Идетъ онъ, свѣтлый богъ!—И сёла хорошѣютъ!
И весь лазурный день—лишь смѣхъ да пѣсни тамъ,
А темной ноченькой уста все льнутъ къ устамъ!

МЕРЦАНА.

Когда по вечерамъ межъ лѣтомъ и весной
Ты видишь, какъ въ глуби лиловаго тумана
Зарницы раннія играютъ надъ землей,
Не вѣрь, что это тѣнь Перуна великана!
Не вѣрь! Съ небесъ тогда, въ начальный часъ ночной,
Нисходитъ кроткая богиня нивъ, Мерцана,
Къ полямъ, гдѣ ширятся надеждой дорогой
Хлѣба зеленые, какъ волны океана.
Она летитъ, летитъ—и край воздушныхъ ризъ,
Скользя чуть-чуть по нимъ, легонько клонитъ внизъ,
Какъ будто съ ласкою, колосья молодые;—
И съ той поры гроза тѣ нивы обойдетъ
И градъ ихъ пощадитъ, не тронутъ черви злые,
И солнце яркое до жатвы не сожжетъ.

ЛАДЪ.

Нѣтъ! Ладъ не вѣдаетъ осмѣянныхъ страданій,
И клятвъ непризнанныхъ и невозможныхъ сновъ,—
И чуждъ ему позоръ преступныхъ упованій
И счастья тайнаго, какъ умыселъ воровъ.
Онъ богъ иной любви, онъ богъ иныхъ лобзаній,
Веселый, добрый Ладъ,—богъ свадебныхъ пировъ
И пѣсенъ родостныхъ и честныхъ обѣщаній,
Краснѣющихъ невѣстъ и пылкихъ жениховъ!
Подслушалъ Ладъ весной, что̀ у плетня шепталось
По сизымъ вечерамъ,—и надоумилъ свахъ,
Чтобъ не напрасно цвѣлъ цвѣтокъ любви въ сердцахъ,
Чтобъ племя сильное спокойно умножалось
Отъ синихъ южныхъ волнъ до бѣлой цѣпи льда
На лонѣ Русскихъ нивъ для славы и труда.

ТИХОНОВА НОЧЬ.

Въ березахъ тамъ поетъ послѣдній соловей;
А тутъ какъ бѣлая русалка, вся нагая,
Робѣетъ дѣвушка, въ малинѣ утопая.
Чтобъ охранить гряды отъ зноя, отъ червей,
Прикрытая одной стыдливостью своей,
Ихъ быстро обѣгать она должна, нѣмая,
На Тихонову ночь... А въ небесахъ, не тая,
Вечерняя заря ждетъ утреннихъ лучей!..
Въ избѣ огонь погасъ; до пѣтуховъ далёко;
Зеленый огородъ застылъ, заснувъ глубоко;
Въ росистой муравѣ безмолвна стрекоза;
Послѣдній соловей одинъ въ тиши томится...
Но страшно дѣвушкѣ; она въ листвѣ таится,
И ей со всѣхъ сторонъ мерещатся глаза...

ЭЛЛИНСКОЕ БѢСНОВАНІЕ.

Безлунной ночью прудъ сѣрѣетъ, будто щитъ
Стальной межъ сѣрыхъ ивъ, и блѣденъ воздухъ сонный;
Но, вотъ, у мельницы сверкнулъ во мглѣ бездонной
Внезапный огонекъ... костромъ растетъ... горитъ!
Багровою волной застывшій прудъ залитъ
Въ алѣющей ночи, насильно пробужденной,
И, взвившись въ заревѣ, какъ призракъ окрыленный,
Нагое тѣло вдругъ проносится, блеститъ...
За всплескомъ—всплескъ... еще... еще... и хлопцы съ гикомъ
Чрезъ пламя прыгаютъ, и, плавая въ прудѣ,
Въ мерцаньи красныхъ брызгъ пускаютъ съ пѣсней, съ крикомъ
Пучки горящіе соломы по водѣ.
Шумъ! хохотъ! брань!.. Отъ искръ, отъ дыма звѣздъ не стало...
И всюду безъ конца гремитъ припѣвъ: „Купало!“

ОГНЕННЫЙ ЦВѢТОКЪ

Осиливъ злобный гнѣвъ и лѣшихъ и бѣсовъ,
Грицько стоитъ и ждетъ съ бушующей душою,
Чтобъ папоротникъ вдругъ въ нѣмой глуши лѣсовъ
Таинственно зацвѣлъ волшебною звѣздою.
„Сорву!.. хоть съ сатаной бороться я готовъ
„За огненный цвѣтокъ! Сорву—и кладъ открою!
„И буду я богатъ... богаче всѣхъ пановъ!
„И будетъ милая такъ счастлива со мною!..“
А между тѣмъ, увы! зарозовѣлъ востокъ,
И парубокъ судьбу съ слезами проклинаетъ.
Что-жъ? можетъ быть и впрямъ тутъ виноватъ лишь рокъ...
Хотя бы только разъ, но счастье распускаетъ
Для каждаго изъ насъ свой огненный цвѣтокъ;
Блаженъ, кто быстрый мигъ цвѣтенья угадаетъ!

МОРЕНА.

I. ЗИМА.

Окончена борьба. Морена побѣдила,
И солнце умерло! Лежитъ отецъ лучей
Въ свинцовомъ гробѣ тучъ; огонь его очей
Погасъ,—и на землѣ, рыдая, жизнь почила.
Морена властвуетъ. Безжалостная сила,
Не вѣдая преградъ, идетъ тропой своей
И свищетъ и поетъ все громче, веселѣй,—
И міра нѣтъ кругомъ, а бѣлая могила!
Но вешній, вражій богъ за синимъ моремъ ждетъ
На родинѣ весны, на островѣ Буянѣ,
И золотой стрѣлой разить ее придетъ,—
И сгинетъ злобная, какъ сонное мечтанье,
И вѣтры теплые гробъ солнца разнесутъ,
И заблеститъ лазурь и вербы зацвѣтутъ!

МОРЕНА.

II. СМЕРТЬ.

Окончена борьба. Морена побѣдила,
И человѣка нѣтъ,—а только трупъ нѣмой,
Недвижный, жалкій трупъ, лежитъ въ избѣ родной,
Гдѣ вѣкъ свой прожилъ онъ, гдѣ мать его носила!..
Онъ умеръ. Слабый вздохъ съ усильемъ испустила
Измученная грудь... и духъ его живой,
И духъ безпомощный, морозной теплотой
Морена лютая мгновенно охватила,—
Спѣша его умчать отъ пажитей отцовъ,
Отъ голубыхъ небесъ, отъ ласковыхъ боговъ,
Куда-то въ холодъ, въ ночь, гдѣ нѣтъ ни звѣздъ, ни звуковъ,
Гдѣ въ безпредѣльной тьмѣ безчисленная рать
Отжившихъ предковъ ждетъ еще нежившихъ внуковъ,
Гдѣ зиму вѣчную всѣ будутъ зимовать...

НАВІЙ ДЕНЬ.

РАДУНИЦА.

Ярило кликнулъ кличъ,—и зерна подъ землей
Проснулись, и поля ковромъ зазеленѣли.
Къ касаткамъ въ дивный край, гдѣ зрѣетъ рожь зимой,
Донесся вешній зовъ,—касатки прилетѣли!
Промчался дальше онъ!.. И въ этой мглѣ сѣдой,
Гдѣ въ вѣчномъ холодѣ чудовищной метели
Тоскуетъ мертвый людъ по горести земной,
Онъ рѣзко прозвенѣлъ, какъ ночью звукъ свирѣли!..
И стала отъ него Морена вдругъ безъ силъ,
И вихорь душъ къ землѣ и къ жизни улетаетъ,
Назадъ къ землѣ, гдѣ смерть Ярило побѣдилъ,
Къ землѣ, гдѣ въ Навій день народъ среди могилъ
Съ радушной пѣснею покойниковъ встрѣчаетъ
Отъ золотой зари до золотыхъ свѣтилъ.

ДАЖЬБОГЪ.

Средь блѣдной зелени приречныхъ камышей
Бѣлѣла дочь Днѣпра, какъ чистая лилея,
И Дажьбогъ молодой, любовью пламенѣя,
Съ своихъ пустыхъ небесъ безумно рвался къ ней.
Горячей ласкою скользилъ потокъ лучей
По тѣлу дивному,—и, сладостно слабѣя,
Она, предчуствуя объятья чародѣя,
Еще боясь любви, ужъ радовалась ей!..
Но стала вдругъ кругомъ прекраснѣе природа,
Свѣтъ ярче искрился и зной страстнѣй дышалъ...
Русоволосый богъ съ безоблачнаго свода
На дѣву тихихъ водъ, ликуя, налеталъ,—
И мать своихъ дѣтей, мать Русскаго народа,
Онъ, наконецъ обвивъ, впервой поцѣловалъ!

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

„Скажи-ка, Солнушко, сестрица дорогая,
Скажи-ка, отчего, вечернею порой
И раннимъ утромъ вновь, подъ яркою фатой
Краснѣешь ты всегда, какъ дѣвушка земная?“
Ой, какъ же не краснѣть, какъ дѣвушка земная,
Мой бѣлый богатырь, мой братецъ дорогой?
Вѣдь полюбилъ меня краеавецъ царь морской
И вѣчно съ шутками преслѣдуетъ, играя!
Предъ ночью, передъ днемъ, я проходить должна
Вдоль синихъ волнъ его... дорога мнѣ одна!..
То встрѣтитъ онъ меня, ласкаясь съ пѣсней нѣжной,
И хочетъ цѣловать,—то, спрятанный на днѣ,
Вдугъ пѣною въ меня онъ плещетъ бѣлоснѣжной...
И дерзкаго, увы, такъ стыдно, стыдно мнѣ!

ПРИЗРАКИ.

Когда въ глуши ночей желанный сонъ отъ глазъ
Безжалостно бѣжитъ, и съ совѣстью-судьею
Одинъ на свѣтѣ я,—мнѣ чудится порою,
Что оживаетъ мракъ въ тотъ тайный, мертвый часъ.
Я вижу только мракъ; но призраки, толпясь,
Въ немъ тихо носятся и рѣютъ надо мою...
Все прибываетъ строй къ безчисленному строю,
Волнуя темноту и медленно кружась...
И мучаютъ меня ихъ слабыя стенанья:
„Мы—сирая толпа убитыхъ лѣнью дней,
„Толпа безслѣдная давно въ душѣ твоей!
„Считай-же насъ!—Года сочтешь! года мечтанья,
„Попранныхъ силъ года безцвѣтнѣй этой тьмы...
„А если-бъ ты хотѣлъ, чего не дали-бъ мы!“

КЪ..

Не вѣрь, не вѣрь толпѣ! Не умеръ Аполлонъ.
Да! старый міръ погибъ и затопляетъ Лета
Руины славныя, гдѣ зову нѣтъ отвѣта;
Пустынною скалой чернѣетъ Геликонъ...
Но въ ихъ святой пыли нашъ новый міръ рожденъ!
Уже-ли божествомъ спасительнаго свѣта
Въ чудесномъ заревѣ грядущаго разсвѣта
На радость новыхъ лѣтъ не пробудится онъ?
Жизнь бьетъ ключемъ теперь, но, робкіе невѣжды,
Не видимъ мы еще поэзіи надежды
Въ эпической борьбѣ природы и труда.
Явись, о, вѣщій богъ! Не зная сожалѣній,
Не вѣря смутнымъ снамъ и грезамъ безъ стыда,
Ты новый гимнъ найдешь для новыхъ упоеній!

ПРОМЕТЕЙ.

Ужь ночь близка—и, хоть Казбекъ сіяетъ ясный,
Бѣлѣя дѣвственной вершиною своей,
Въ долинахъ гуще тѣнь, и коршунъ средь лучей
Надъ ними высоко кружится странно-красный...
Отъ солнца-ли?.. Увы, судьбѣ, какъ ты, подвластный,
Онъ кровью, можетъ-быть, весь обагренъ твоей,
О, дивный мученикъ, великій Прометей!
И, сытый, до зари покинулъ пиръ ужасный!
Откуда путь его? къ какой скалѣ сѣдой
Титанъ прикованъ ты?.. Нѣтъ! тайны роковой
Не выдастъ никогда тюремщица-природа!
И намъ не знать, съ какимъ терпѣньемъ вѣщій взоръ
Вѣками долгими глядитъ отъ этихъ горъ
Туда, гдѣ знаешь ты, забрезжится свобода!

НА СВѢТСКУЮ ЖЕНЩИНУ.

Зачѣмъ жестокое, ужаснѣйшее слово
Вы бросили въ нее? И въ чемъ ея вина?
Вѣдь, вы не знаете, хоть судите сурово,
На совѣсти ея позорнаго пятна!
Иль вамъ не нравится, иль это слишкомъ ново,
Чтобъ женщина была красива и умна?
Ужель завидно вамъ, что генія живого
Ей искра свѣтлая Создателемъ дана?
Привыкнувъ къ пошлости блудницы иль рабыни,
Не вѣря въ чистоту закрытой вамъ святыни,—
Какъ трусы, мстите вы обидой клеветы
За то, что, гордая, на васъ она взираетъ
Съ недосягаемой душевной высоты
И васъ безъ ѣдкихъ словъ, безъ злобы, презираетъ!

МИНУВШЕЕ.

Мы съ вами спорили однажды о любви,
У васъ въ саду, весной... о, какъ давно то было!
Заброшенъ старый садъ, все дико и уныло,
Гдѣ въ пышныхъ розанахъ таились соловьи.
Мы разошлись давно—и лишь стихи мои,
Къ вамъ рѣдко доходя, про то, что время скрыло,
Быть-можетъ говорятъ... какъ сердце не забыло,
Что были мы друзья въ дни лучшіе свои!
А еслибъ тамъ, въ саду, въ тотъ вечеръ безвозвратный,
Въ лобзаніяхъ утихъ напрасный пылъ рѣчей, —
Была-бы жизнь теперь обоимъ намъ милѣй!
„Любовь!“ вздыхала тишь сквозь сумракъ ароматный,
„Любовь! любовь!“ молилъ надъ розой соловей...
А мы, безумные, мы спорили о ней!

* * *

„Прощай!..“ Шесть буквъ! но, Боже мой,
Какая бездна въ нихъ страданій!
Въ нихъ—жгучесть слезъ, и боль рыданій
И поцѣлуевъ звукъ глухой!
Въ нихъ слиты съ будущей тоской
Всѣ прелести воспоминаній,
Мольба надеждъ и плачъ мечтаній...
Въ нихъ жизнь горюетъ надъ собоіі!
„Прощай!..“ о, слово роковое!
Оно на милыхъ намъ устахъ
Всегда пророчитъ горе злое,—
И поневолѣ мучитъ страхъ,
Что въ немъ, увы! послѣдней встрѣчи
Послѣднія замолкнутъ рѣчи.

ЧЕРЕПЪ ВЪ ТРАВѢ.

И этотъ черепъ былъ живою головой!—
Въ немъ властвовала мысль, роились въ немъ мечтанья;
Тутъ, въ этихъ двухъ дырахъ, глаза двойной звѣздой
Лучилися, глядя на диво мірозданья;
Встрѣчались здѣсь уста пурпурною четой,
И рѣчь звенѣла въ нихъ, гнѣздились въ нихъ лобзанья;
Сквозь зубы въ точный часъ, отмѣченный судьбой,
Прошелъ послѣдній вздохъ послѣдняго страданья!..
Гдѣ человѣкъ теперь? Тутъ—только соръ гробовъ,
Богъ вѣдаетъ когда откопанный небрежно
И брошенный въ травѣ средь сломанныхъ крестовъ.
Но въ старомъ черепѣ проснулась жизнь мятежно,
И, горделивая, красуется цвѣткомъ,—
Багровымъ макомъ тамъ, гдѣ отцвѣла умомъ.

ЧЕХАРДА.

Царю тринадцать лѣтъ. Онъ блѣденъ, худъ и слабъ.
Боится пушекъ, грозъ, коней и домоваго,
Но блещетъ взоръ, когда у сокола ручнаго
Забьется горлица въ когтяхъ зардѣвшихъ лапъ.
Онъ любитъ, чтобъ молилъ правитель-князь, какъ рабъ,
Когда для подписи ужъ грамота готова,—
И часто смотритъ онъ, не пророняя слова,
Какъ конюхи сѣкутъ сѣнныхъ дѣвицъ и бабъ.
Однажды ѣхалъ онъ, весной, на богомолье
Въ рыдванѣ золотомъ,—и по пути, на вспольѣ,
Замѣтилъ мальчиковъ, игравшихъ въ чехарду...
И видя въ первый разъ, какъ смерды забавлялись,
Дивился мальчикъ—царь: и онъ игралъ въ саду
Съ дѣтьми боярскими; но тѣ не такъ смѣялись.

* * *

Родился я, мой другъ, на родинѣ сонета,
А не въ отечествѣ таинственныхъ былинъ,—
И серебристый звонъ веселыхъ мандолинъ
Мнѣ пѣлъ про радости, не про печали свѣта.
На первый зовъ мечты я томно ждалъ отвѣта
Не въ сѣрой тишинѣ задумчивыхъ равнинъ,—
Средь зимнихъ розъ, у ногъ классическихъ руинъ,
Мнѣ свѣтлоокій богъ открылъ восторгъ поэта!
Потомъ... не знаю самъ, какъ стало ужъ своимъ
Все то, что съ дѣтскихъ лѣтъ я почиталъ чужимъ...
Не спрашивай, мой другъ! Кто сердце разгадаетъ?
Въ моей душѣ крѣпка давнишняя любовь,
Какъ лавры той страны, она не увядаетъ,
Но... прадѣдовъ во мнѣ заговорила кровь.

НАЛИВКА.

За хатою вишнякъ едва зазеленѣть
Успѣлъ, какъ весь покрылся онъ цвѣтами.
Казалося, цвѣты воздушными рядами,
Какъ бабочки, въ лучи стремились улетѣть.
Но наступилъ Іюнь, и гуще стала сѣть
Трепещущихъ тѣней межъ гладкими стволами,
И свѣжій, сочный плодъ подъ легкими листами
Чудеснымъ пурпуромъ сталъ дерзостно алѣть.
Затѣмъ... затѣмъ годовъ промчались вереницы
И вишень сокъ бродилъ въ тиши своей темницы,
Какъ въ сердцѣ молодомъ кипитъ и бьется кровь.
Теперь свободенъ онъ—и лучше, крѣпче, краше,
Пьянѣй и веселѣй, онъ солнце видитъ вновь—
И, вотъ, его, мой другъ, я пью за здравье ваше!

P. S.

И такъ, все кончено,—и мы чужіе вновь!
И если, гдѣ-нибудь, теперь съ тобой... нѣтъ! съ Вами,
Какъ прежде, встрѣтимся лишь старыми друзьями,
Пожалуй, разсуждать мы будемъ про любовь.
Ну, что-жъ! предметъ хорошъ, слегка волнуетъ кровь
И благодарнѣй всѣхъ межъ „общими мѣстами“,
Болтаетъ о любви съ своими стариками
И Ваша строгая, безгрѣшная свекровь!
Но только, я боюсь, ужасны будутъ споры:—
Такъ пылки оба мы, и взглядъ у насъ иной...
И Васъ... не правда-ли?.. Васъ забавляютъ ссоры!..
Да что тутъ страшнаго? Тѣмъ лучше, Боже мой,
Коль будутъ бурные всѣ наши разговоры!
Теперь и я хочу поссориться съ тобой...

* * *

Я помню: на дворѣ весенній день сіялъ,
Весенній славный день, весь—молодость и сила!
А въ церкви грустный хоръ рыданья заглушалъ,
И желтый блескъ свѣчей тускнѣлъ въ дыму кадила.
Высоко среди пальмъ открытый гробъ стоялъ,
И блѣдный, тонкій ликъ, гдѣ жизнь на вѣкъ застыла,
Изъ синей полумглы, какъ призракъ, выступалъ...
На солнцѣ, тамъ, ждала открытая могила...
Вдругъ бабочка взвилась межъ пальмъ и межъ свѣчей
Надъ гробомъ въ вышинѣ—и забѣлѣла странно
Въ лазури ладона средь трепетныхъ тѣней...
Кончался ужъ обрядъ. Все шире, все быстрѣй,
Кружилась бабочка, кружилась неустанно,
Какъ будто съ трупомъ жаль разстаться было ей.

ПЕРЕДЪ ТАВРИЧЕСКОЙ АФРОДИТОЙ

ВЪ ЭРМИТАЖѢ.

Средь рощи миртовой сверкалъ твой бѣлый храмъ,
Подъ солнцемъ Греціи въ давно былые годы;
И жрицы пѣли въ немъ торжественныя оды,
И обвивалъ тебя лазурный ѳиміамъ.
Развѣянъ прахъ его по доламъ и горамъ!
Сѣрѣютъ надъ тобой теперь иные своды,
И въ тускломъ воздухѣ, увы! иной природы
Зѣваки на тебя глазѣютъ по утрамъ.
Пусть такъ! и пусть прогрессъ, упавшихъ не жалѣя,
Считаетъ въ наши дни лишь нумеромъ музея,
Прекрасная, тебя!—Богиня вѣчно ты!
Олимпа не спасла поэзія Эллады,
Не спасъ и Парѳенонъ твоей сестры, Паллады...
Но сердце каждое—алтарь для красоты!

СѢРЫЙ СОНЕТЪ.

Вчера съ вечернею зарей
    Съ послѣдней, красной вспышкой свѣта,
    Въ зловѣщихъ тучахъ надъ землей
    Печально умирало лѣто.
И осень съ блѣдною луной
    Взошла—и пѣлъ ей до разсвѣта,
    Всю ночь, въ листвѣ еще густой
    Измѣнникъ—вѣтеръ пѣснь привѣта.
Сегодня въ небѣ нѣтъ лучей
    И дождь, дождь льется безнадежно,
    Какъ слезы скорбныхъ матерей!
И въ этой тихой мглѣ безбрежной,
    Смотри, къ краямъ весны мятежной
    Летитъ станица журавлей!

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

О если-бы во дни, когда былъ молодъ міръ,
Родился ты, Шенье, въ странѣ боговъ разсвѣта,
Отъ Пинда синяго до синяго Тайгета
Была-бы жизнь твоя—прелестный долгій пиръ!
При рокотѣ киѳаръ и семиструнныхъ лиръ
Вѣнчали-бъ юноши великаго поэта
И граждане тебѣ, любимцу Музагета,
Въ родимомъ городѣ воздвигли-бы кумиръ.
Но Парки для тебя судьбу иную пряли!
И ты пронесся въ ночь кровавыхъ вакханалій
По небу сѣвера падучею звѣздой!..
Какъ греческій рапсодъ, ты страстно пѣлъ свободу,
Любовь и красоту бездушному народу
И умеръ передъ нимъ, какъ греческій герой.

МАРТЪ.

Ты, помнишь-ли, мой другъ, какъ въ Мартѣ ужъ бѣлѣли
Вокругъ Флоренціи фруктовые сады
И какъ у насъ въ кустахъ тѣ черные дрозды
Должно-быть про любовь такъ весело свистѣли?
А Мартъ на родинѣ!... Болѣзненныхъ камелій
На подоконникахъ едва цвѣтутъ ряды
И по глухимъ ночамъ безъ проблеска звѣзды
Надъ мертвою землей гудитъ припѣвъ метели...
Ахъ, отчего тогда, въ отечествѣ цвѣтовъ,
Въ тѣ солнечные дни, дорогой тайной сновъ
Летала мысль къ снѣгамъ, какъ-будто къ лучшей долѣ?
Увы! спасенья нѣтъ отъ властныхъ чаръ мечты,
И у прошедшаго душа всегда въ неволѣ...
Теперь намъ грезятся Тосканскіе цвѣты!

АПРѢЛЬ.

Ужъ сѣть тѣней густа подъ новою листвою
И въ бѣлый свой нарядъ фруктовый садъ одѣтъ—
И тутъ-же, бѣлыя, какъ вишень легкій цвѣтъ,
Порхаютъ бабочки надъ травкой молодою.
Былъ колыбелью гробъ—и медленной зимою
Онѣ дремали тамъ, но вѣтеръ, ихъ поэтъ,
Запѣлъ имъ пѣснь лучей, сказалъ, что снѣга нѣтъ,—
И нѣжный рой взлетѣлъ съ воскресшею весною!
О, да! лазурь ясна и близокъ мѣсяцъ розъ;
А въ тучахъ до сихъ поръ послѣдній скрытъ морозъ!..
Но тучи высоко, и бабочки лишь знаютъ,
Что въ воздухѣ—лучи и на землѣ—цвѣты!..
Погибнутъ бѣдныя, какъ въ сердцѣ погибаютъ
Всѣ наши юныя и лучшія мечты.

МАЙ.

За вишнями въ цвѣту едва бѣлѣла хата;
Ужъ наступаетъ ночь и мѣсяцъ молодой
Средь блѣдныхъ облаковъ мелькаетъ золотой
Въ тускнѣющей глуби зеленаго заката.
У церкви, тамъ вдали, поютъ себѣ дивчата:
Крикливой нотою то тянется порой
Унылый хоръ, то вдругъ струится онъ волной,—
И грустью странною вся ширь садовъ объята...
Но эта грусть нѣжна, какъ красота весны,
Какъ дѣвственной любви робѣющіе сны!
И на завалинкѣ, пока лѣниво таетъ
Заря на небесахъ и тихо меркнетъ свѣтъ,
Подъ вишнями въ цвѣту, старуха вспоминаетъ,
Какъ сладко пѣлось ей тому полсотню лѣтъ!

АВГУСТЪ.

Давно-ль блестѣла гладь сребристо-желтой нивы
Роскошною парчей?—А нынѣ черноземъ
Уже распаханъ вновь и сѣятель съ зерномъ
По новымъ бороздамъ идетъ, неторопливый.
Его слѣпятъ лучей живые переливы,
И зной еще жестокъ въ просторѣ голубомъ;
Но бодрой поступью, съ внимательнымъ лицомъ
Не зная устали, идетъ онъ, терпѣливый.
Идетъ—и думаетъ о будущихъ снопахъ:
И веселъ, и широкъ руки умѣлый взмахъ.
О, это ровное, ритмичное движенье!—
Оно съ тѣхъ давнихъ поръ, какъ міръ былъ молодой,
Природно всѣмъ краямъ—и, какъ благословенье,
Мелькаетъ, вѣчное, надъ матерью-землей.

СЕНТЯБРЬ.

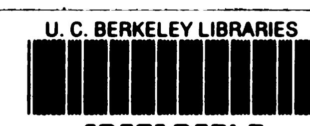
Средь красныхъ георгинъ стояла стройно ты,
Какъ тополь молодой твоей родной Украйны,
И съ гибкой грацiей красы необычайной
Поила медленно осеннiе цвѣты.
Предъ этой тихою поэмой простоты
Я, какъ любовникъ, млѣлъ, я—путникъ лишь случайный,
И были для меня какой-то чудной тайной,
За садомъ въ хатѣ, тамъ, и жизнь твоя—и ты...
Я зналъ, что мигъ пройдетъ, что въ тучѣ черной пыли
Подъ пѣсню ямщика умчусь я въ даль степей,
Гдѣ взоръ лучистый твой да грезы только *были*;
Я зналъ, что мигъ пройдетъ,—пройдетъ немного дней:
Погубитъ образъ твой забвенья злая сила
Въ душѣ, гдѣ мигъ одинъ царицей ты царила...

НОЯБРЬ.

Дни осени сырой, безъ свѣта, безъ тепла,
Когда сады цвѣсти и лѣсъ шуршать устали,
Дни долгихъ праздныхъ думъ, дни скуки и печали,
Я васъ всегда любилъ!—мнѣ ваша лѣнь мила!
На сердце и на міръ нисходитъ та-же мгла,
И таетъ память въ ней, какъ таетъ рѣзкость дали!
Все то, что нѣкогда мы страстью обожали
Иль ненавидѣли, весь складъ добра и зла,—
Все наше прошлое—картиною неясной
Невольно видимъ мы, и въ пестрые года
Глядимъ безъ радости, безъ горя, безъ стыда!
И жизнь не кажется борьбою ежечасной,
А повѣстью пустой, прочитанной давно,
Которую забыть иль помнить—все равно.

ДЕКАБРЬ.

Снѣгъ, только снѣгъ кругомъ,—на сотни верстъ кругомъ!
И небо сѣрое надъ бѣлою землею!
Чудовищная тишь. Не борется съ зимою
Природа сѣвера въ потопѣ снѣговомъ,—
Безъ грезъ о будущемъ, безъ грусти о быломъ
Стремясь безпомощно къ мертвящему покою.
Но маленькой чернѣющей змѣею
Тамъ поѣздъ вдалекѣ скользитъ въ дыму сѣдомъ,
Скользитъ, свиститъ, исчезъ!.. и нѣтъ нигдѣ движенья,
И шума нѣтъ нигдѣ... и, жаждя лишь забвенья,
Равнины сонныя готовы вновь заснуть,
Быть можетъ, радуясь, что богатырка-вьюга
Еще надолго къ нимъ съ восторженнаго юга
Волшебницѣ-веснѣ закроетъ синій путь.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C057105363

